

Николай Успенский

Деревенская газета

Николай Васильевич Успенский

Деревенская газета

«В один летний день на краю леса, пред которым расстилались луга с болотами, с сигарой во рту сидел помещик деревни Ивовки; подле него лежал молодой человек, недавно поступивший в дом к этому помещику учителем. Оба они ходили с ружьями и ничего не убили...»

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0011
III.....	.0022
IV.....	.0024
V.....	.0027
VI.....	.0032
VII.....	.0047
VIII.....	.0057
IX.....	.0062

**Николай Васильевич
Успенский
Деревенская газета**

В один летний день на краю леса, пред которым расстилались луга с болотами, с сигарой во рту сидел помещик деревни Ивовки, подле него лежал молодой человек, недавно поступивший в дом к этому помещику учителем. Оба они ходили с ружьями и ничего не убили.

– Я замечаю, Егор Кирилыч, – говорил помещик, – вы у нас скучаете. Отчего это?

– Я всегда таков, Петр Ивановыч, – отвечал учитель. – Я, собственно говоря, болен: у меня печень болит, – говорят, от водки... Ну, я не могу!..

– Конечно... Только я вам хотел сказать, – не обижайтесь, Егор Кирилыч, – вы, пожалуйста, ученику своему этак излишних намеков насчет вашей страсти... Понимаете?

– Я с вами согласен, Петр Ивановыч... Разумеется, я не могу иногда за себя ручаться: я вам и прежде говорил, что я должности гувернера не беру на себя... Но, насколько станет моих сил, я буду укрощать свою привычку...

– Ну да, – сказал помещик. – Что касается

до меня – мне все равно: трезвы ли вы, или нет, – и вы у нас не стесняйтесь, по-домашнему будьте. У вас есть своя комната: приехали вы выпивши – никто вас не видит... Жена моя пьяных не шибко боится. Я сам частенько приезжаю к ней подгулявши.

Из лесу явился молодой человек в белом пальто, с ружьем в руках. Это был из той же деревни помещик Галкин, недавно вступивший в управление наследственным имением и живший в Ивовке с одной своей бабкой.

– Здравствуйте, господа, – заговорил он. – Ну что, ничего не застрелили? И ведь выбра-ли же мы время охотиться! Такая жара! Я шатался часа четыре и вот убил одну иволгу.

– Садитесь-ко, – сказал помещик.

– Нет, благодарю. А что, вы давно, Петр Иваныч, были у Хоботовых?

– Давно уже.

– Я был у них вчера: скука смертельная! На днях я тоже ездил к помещику Кобелеву – что это за лежни! батюшки мои! Представьте, Кобелева я застал на балконе, – лежит в одной рубахе!.. Однако пойдете домой, что вы засиделись?

Помещик и учитель встали и пошли вместе с Галкиными.

– Да-с, скука, скука... – говорил Галкин дорогой. – Я, в Москве живши, совсем забыл деревенскую жизнь: тошна иногда она бывает! А я вам не сказывал, господа? Я думаю здесь издать газету...

– Что такое?.. – воскликнули помещик и учитель.

– Да, газету... ну, деревенскую газету. Надеюсь, что вы, господин Маркин, не откажетесь быть сотрудником, – отнесся Галкин к учителю.

– С удовольствием. Это вы хорошо придумали.

– Я полагаю!.. Я попрошу писать всех помещиков, даже их жен... Ведь, господа, согласитесь, так жить в деревне, как мы живем, – ей-богу, мочи нет! Надо же чем-нибудь заняться... И как это мне пришло в голову! Ныне поутру лежу я и думаю: «Как досадно, что почитать нечего, этакое легонького – газетного», – ну, и напал на эту мысль. Да какие планы-то начертил!..

Помещик шел молча, повеся голову. Газета

Галкина, по-видимому, несколько смутила его.

– Программа уже готова, – продолжал Галкин, – ну, а сотрудники найдутся. – Я вам, господа, скажу: газета может принести огромную пользу, если ее аккуратно поведи. Само собою разумеется, не надо допускать ее до сплетней и тому подобного; вот вся и задача! Да, это предприятие, как хотите, так современно – и вдобавок крайне оригинально! Газета, конечно, будет *рукописная*... Переписчики у меня есть. Надо будет завестись еще таким человеком, который бы ездил по окрестностям и сбирал новости... Но я имею в виду такого... Я пущу эту газету на возможно большее расстояние: брошу на постоянные дворы, на станции, предложу приказчикам... и все это будет бесплатно... Не правда ли, господин Чаркин, будет хорошо?..

– Превосходно, – сказал учитель.

– Не знаю, удастся ли, Федор Семеныч, ваше дело, – сказал помещик. – Я думаю, как всякое неожиданное явление, ваша газета многих поставит в тупик.

– Помилуйте, в чем вы тут сомневаетесь?

Ради одной уже новости, что выходит деревенская газета, все примутся не только читать – писать!.. Ну, вы первый – разве откажетесь участвовать?..

– Пожалуй... Я хоть напишу о выжигании тока... Я хотел напечатать в «Московских ведомостях» о выжигании тока.

– Ну, вот видите! Вы – о выжигании тока, другой – об эманципации женщин, – и пойдет дело!.. Притом разве вы не знаете, сколько между нашими соседями найдется современных людей!.. Посмотрите, как многие из них рассуждают!.. Если газета пойдет успешно, мы выпросим позволение у губернатора и будем ее печатать... Непременно издам!.. Кстати, ныне вечер у Хоботовых: объявлю всем об этом! Я уже половину объявления намахал. Говорю там: «Милостивые государи! Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что недаром Гоголь воскликнул: „Куда ты мчишься?..“{1}» – и так далее...

– Это вы недурно заметили!.. – проговорил помещик. – Начинайте! Главное, действуйте не спеша...

– Отчего же не спеша? Я ныне же всем объ-

являю, завтра рассылаю людей – кого с поручением собирать новости, кого с чем, и, не дальше как через неделю, все будет готово! – Господин Чаркин! вы съездите в село Быково, тут недалеко, – и попросите там регента, чтобы он написал статейку?

– Съезжу. Мне регент приятель.

– Он, как вам известно, запивает; но у него есть талант, я это знаю. А я завтра съезжу тут к офицерам; говорят, ротный хорошо сочиняет... Да еще у тыквинского помещика есть учитель Выогин, – я и к нему съезжу.

Охотники расстались. Галкин еще раз решительно повторил, что он издает газету.

При закате солнца Галкин, одетый, сел в пролетку и уехал на вечер к Хоботовым. Почти в то же время отправился на беговых – дрожжах к регенту учитель.

В сумерки Галкин приехал к высокому новому дому Хоботовых, перед окнами которого изнутри выглядывало множество медных и бронзовых амуров, собачек, рыцарей, охотников и проч.

В зале Галкина встретил с ежовыми волосами хозяин. Схватившись за руки, ходили по комнатам девочки в распущенных платьях. Хозяин подал гостю руку и лениво сказал:

– Ну, что же, того... как ее... ваша бабушка? – Она нездорова...

В гостиной на мягком диване, с томными глазами и полуоткрытым ртом, сидела хозяйка, имея на голове очень красивую куафюру [1]. Ей было лет двадцать семь. С видимым желанием выразить всю нежность и грацию молодой женщины, она слегка привстала перед Галкиным, слегка поклонилась, но так, что ее глаза еще более сделались томными, – и вообще она как будто говорила: «Вглядитесь в меня, хоть, например, вы, господин Галкин, – я могла бы целое блаженство доставить человеку, достойному меня!...»

Впрочем, такая истома хозяйки замечалась преимущественно в начале представления гостей. Но после Катерина Ефимовна делалась просто милою хозяйкою, наблюдающею за вами, сколько вы съели чего и не дали ли вам еще чего-нибудь; как, проводив гостей, она делалась милою помещицею, которая в кругу горничных и лакеев поверяет в кухне и кладовой, сколько чего вышло на гостей и т. д.

В зале стояла толпа съехавшихся помещиков, окружив хозяина, который что-то рассказывал. Хозяин на время прервал свой рассказ и пошел к дверям встречать приехавшую соседку помещицу с четырьмя взрослыми дочерьми и сыном-гимназистом. Он, как-то пасмурно (у хозяина был от природы такой взгляд) глядя на гостью, прежде всего за необходимое счел ей сказать, что он весьма здоров, и посмотрел на нее уже не пасмурно, а сердито...

– А Катерина Ефимовна? – спросила помещица.

– Она там... в гостиной.

Хозяин был такой человек, про которого

ходило в окрестностях много небылиц, как, например, будто он раз с особенным вниманием смотрел на себя в зеркало и нашел, что его лицо ужасно напоминает свинью, о чем сообщил жене...

В зале явились три офицера с саблями. Между тем комнаты осветились огнями.

После чаю гувернантка Хоботовых сыграла на фортепьяно серенаду Шуберта и произвела в гостях необыкновенное уныние, а больше всего в помещиках, которые встосковались до того, что обнаружили покушение ехать домой. Но Хоботов удержал их и дал слово попросить гувернантку сыграть что-нибудь повеселей, хотя помещики ровно ничего не хотели слышать.

Галкин в это время сидел в гостиной и объявлял дамам о своей газете.

– Я вижу, – говорила хозяйка, – вы хотите нас описывать... Конечно, много найдете пищи для себя.

– Помилуйте! – отвечал Галкин, – я не литератор, я не имею сатирического ума... Но вы, Катерина Ефимовна, поймите: тут просто будет листок от скуки...

– Нет, – твердила непреклонная хозяйка, – вы хотите насмеяться над нами, я вижу... Да опять, что за деревенские такие газеты? что с вами? Вам, как помещику, право, стыдно этим заниматься...

– Да ведь, Катерина Ефимовна, эта газета нисколько не будет похожа на все литературные газеты, какие вы знаете... Это будет листок собственно наш, с своим направлением, домашний и, без сомнения, удивительно оригинальный... Что литературные газеты!..

– Только я вам скажу, – говорила хозяйка, – вам меня описать не придется... Тут нужен талант да талант, потому что вы со мной не живете и, значит, вполне меня не знаете... Сверх того, я не хочу, чтобы вы меня описывали: для меня достаточно того, что я узнаю себя нередко в героинях Шекспира и других...

В зале играли вальс; шаркали танцующие. Галкин встал и попросил хозяйку; она, расправив платье, пустилась с ним...

– Нет, Катерина Ефимовна, – говорил Галкин, – вы жестокосерды... как вы не хотите покровительствовать моей газете!

– Что вам далась эта газета, господин Гал-

кин? – отвечала хозяйка, поправляя куафюру и улыбаясь, – ну, издавайте, когда так... да что вы так вертите меня?.. Я не могу... В самом деле, издавайте... я шутила...

Катерина Ефимовна попросила Галкина остановиться и села на стул.

– Право, издавайте... – ласково повторила хозяйка и с одушевлением посмотрела на Галкина.

Офицеры танцевали с каким-то ожесточением: кто прихлопывал каблуками, припрыгивал вверх; кто припевал даже что-то... Один офицер, высокого роста, сделал несколько кругов на одной точке, посадил даму и гордо пошел прочь, неся на шпоре откуда-то выхваченный клоч кисеи...

Галкин подошел к двум гулявшим помещицам и обратился к одной из них, большой охотнице до русских песен, особенно до «Ночки темной, осенней» и «Я калину ломала».

– Василиса Антиповна! Вы не слышали, – я намереваюсь издать деревенскую газету? Не угодно ли вам получить.

Помещица почему-то вдруг сконфузилась.

– Видите ли, это будет преинтересная

вещь. Вы будете знать, во-первых, все, что ни случится в ваших окрестностях, во-вторых, тут будут подниматься разные вопросы...

– Извините, – промолвила Василиса Антиповна, – я не могу ничего сообразить... Я вам лучше после отвечу...

– Ну, а мне позвольте получать, господин Галкин, – подхватила другая помещица, – только чтобы не было сатирического в этом журнале... Вы козней не строите ли над нами?..

– Боже сохрани! Смею ли я подумать... Я, кажется, помещик...

– Что это издается? – спросил подошедший к Галкину офицер.

– Деревенская газета... Не угодно ли быть сотрудником?

– Извольте... Я вам пародию представлю на нашего ротного.

– Что это, может быть, ругательное?..

– Ругательное! Но мило!

– А как того... называется эта газета? – перебил хозяин, несший в боковую освещенную комнату колоду карт.

– Да хоть «Борей», или как угодно...

– Нет лучше «Револьвер» или «Эскадрон»... Вот «Якорь»... ну, мало ли можно придумать?

В гостиной дамы окружили любительницу русских песен и упрекали ее в том, что она не изъявила прямого желания получать газету Галкина. Но она отвечала, что причиной тому было опасение, что раз в одном уезде издал кто-то, вместо газеты, глупость какую-то.

– А вот мы у него потребуем программу, – вскричали дамы и послали одного помещика к Галкину – просить программу. Помещик принес целое объявление.

– «Милостивые государи, – читал помещик, стоя у лампы и отдуваясь, – милостивые государины!.. Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что Гоголь ей сказал: „Русь! куда ты мчишься?“ При виде такого всеобщего морального движения, мы уверены, умы многих просвещенных и передовых людей заняты в настоящее время вопросами: „Отчего в наших русских селах и деревнях до сих пор не явится ни одной газеты, которая бы служила, так сказать, оружием, бьющим во все внутренние стороны деревенской жизни?.. Отчего это?“ – спрашивают передо-

вые люди. – Но нет ответа...

Милостивые государи! Откликнемся первые мы на эти безответные вопросы и на эту народную нужду: создадим газету! Да зарядим ее хорошою гласностью!.. не тою, однако, что марает без разбору все лица, не исключая и благородных, а чистою и вместе легкою... В нашей душе кроется одна надежда, что со временем мы будем главною причиною того, что повсюду распространятся сельские газеты И (что мудреного?) Россия вдруг превратится в Северо-Американские Штаты!..

Не слышите ли вы, милостивые государи, в этом последнем слове магического обаяния для вашего просвещенного ума!.. Не замирает ли ваше сердце при виде той высоты, на которую я вам сейчас указал!.. Но... авось бог милостив...

Милостивые государыни! Вы первые громко откликнетесь на мой зов – я убежден!.. Ваши сердца, одаренные от природы чудесным пониманием всего прекрасного, – повторяю – я убежден, сольются в один аккорд искренней радости при одном намеке на Мое предприятие...

Итак, милостивые государи!.. Но уже вы своим орлиным оком проникли в глубину моего намерения, и я заранее счастлив... Я издаю газету!..

Галкин»

По окончании чтения все решили, что объявление очень умно написано и что Галкин человек очень образованный.

– А это он что-то важное затевает!.. – сказала одна помещица другой.

– Уж я не знаю!..

– Ну, важного здесь немного... – сказал помещик, читавший объявление, – так пишут все объявления – витиеватым слогом! Тут обыкновенно и Русь вперед и назад, и всякая всячина...

Начался ужин. О газете Галкина знали уже все.

– Какая же будет программа? – спрашивали помещики.

– Программа, господа, зависит от вас, – сказал Галкин. – Избирайте какую угодно...

– Только чтобы гласности не было! – раздались голоса.

– Вместо нее можно сделать отдел под названием: «Дневник происшествий», – предложил Галкин.

– Да вы смотрите, господин Галкин, не вздумайте с нами чего-нибудь сыграть!

– О господа!.. как вам не стыдно... Просто хочу разогнать вашу скуку, – а вы что говорите!..

– Это хорошо! Это, господа, Галкин придумал славно! Газета у нас будет вроде домашнего альбома. Тут я помещу о своей молотилке, – сказал хозяин.

– Да, вообще эта газета может иметь всемирную славу! – заметил один помещик.

– А как вы думаете? Очень может быть!..

– Главное – личности не задевать! – кто-то произнес.

– Не в личности дело, а что газета может отозваться на всю Россию... А Галкину во всем можно довериться.

Некоторые из дам обещались писать. Хозяйка сказала, что она пришлет Галкину сочинение своего девятилетнего сына, который недавно написал восход солнца. Другая помещица тоже обещалась прислать Галкину со-

чинение своей двенадцатилетней дочери.

– А вы, господин Галкин, – говорил один помещик при прощании, – можете в газете сделать небольшой отдел для гласности и там легонько касайтесь – приказчиков, станочных... Через это газета будет серьезней.

Вообще газета была принята благосклонно.

Возвращаясь домой, Галкин представлял, как его газета будет ходить по рукам, – и вот внезапно оживет знакомая ему окрестность, все будут толковать о новостях, о статьях, в ней помещенных... говор, спор, крик... Помещики, возбужденные интересами, близкими их сердцам, воспрянут от своего сна, задвигаются, примутся писать, возражать, шуметь – точно члены английского парламента... Что за диво! И вдруг все это уже разнесится далеко... доходят слухи до начальства, узнает губернатор, вызывает Галкина к себе и... благодарит, жмет руку и дает позволение печатать газету, говоря:

– Да помилуйте, благороднейший господин Галкин, вы все это печатайте... Ведь сколько, я воображаю, вам трудов-то с этим переписыванием...

Галкин кланяется и отвечает, сильно тронутый:

– Не знаю, ваше превосходительство, но мне кажется, что руководил меня в моем намерении – мой гений...

Губернатор внимательно смотрит на Галкина... «Однако действительно, – подумал Галкин, – надо заняться газетой посерьезней...»

IV

В ту же ночь в деревне Быково в ветхой избе сидел учитель Чаркин с регентом. Перед ним на столе стоял полштоф водки.

– Выпейте, Егор Кирилыч, – говорил регент.

Приятели пили, закусывали и смотрели друг на друга молча.

У окна сидела жена регента. Ее лицо выражало, что пьянство мужа для нее не новость...

Регент и учитель снова начинали:

– Выпьем, Егор Кирилыч.

– Выпьем, Семен Семеныч.

Явился другой полштоф. Дело, может быть, и кончилось бы тем, что приятели молча допились бы до беспамятства; но прежде чем это случилось, к ним явился мужик – голова из соседней деревни.

– Ну, будьте здоровы! – говорил голова, входя в избу и пошатываясь. – Ныне что-то спесивы стали ученые: никто в гости не пожалует... Егор Кирилович, а ты, я тебе скажу, имеешь в своей голове воно какого царя... Ты меня за пояс заткнешь... (Голова взялся за

полштоф.) Вы не взыщите... Эко, подумаете, что значит образованность-то!.. Ну, будьте здоровы...

– Вы слышали, Галкин газету издает, – сказал регенту учитель.

– Ну, что ж?..

– Напишите что-нибудь.

– Какую газету? – спросил голова. – Историю?

– Газету. Тебя будут описывать, как ты ведешь себя на сходке...

– Понимаю... на сходке... значит, я действую там... обладаю своим народом... А вы, господа, посмотрю я, – очень хитры!.. Только что давайте сперва порешим: кто из нас кого умней?.. А этак мы без толку просидим... Семен Семеныч!.. ты регент! я тебя за это люблю! Ведь ты человек горемычный?.. Тебя барин выписал, да пренебрегает тобою, в конуру поселил. А я тебя озолотил бы!.. Ну, теперича разгадай же мне, что значит – «Векую отринул мя»? «Яко лядвия моя наполнишася поруганиями»? Изволь раскусить; да чтобы было складно.

Скоро беседа кончилась. Учитель, присло-

нясь к стене, спал; регент, свалившись на пол, тоже спал. Голова один сидел за столом и с иронией глядел на приятелей.

– Анна Федоровна! – сказал голова, поднимаясь и обращаясь к жене регента, – давай, матушка, приберем твоего мужа на постель; нехорошо ему валяться!.. Мне, право слово, Анна Федоровна, жалко вас; ей-ей, смерть жалко! Векую отринул мя... Ну, бери его за ноги...

Голова уложил регента на кровать и сам лег с ним рядом, бормоча: «Дай нам сперва выспаться... никак из раннего утра пили...»

Галкин сильно хлопотал насчет газеты; он был у учителя Вьюгина, у ротного, ездил по помещикам и кого просил написать об эмансипации женщин, кого – о движение вперед. Учитель Чаркин, дрожа с похмелья, дал ему статью под заглавием «Нищий солдат»... Раз, возвращаясь пешком от ротного, Галкин был остановлен звеневшим колокольчиком. По деревне Ивовке ехал, качаясь туда и сюда, офицер. Поравнявшись с Галкиным, офицер закричал:

– Господин Галкин, господин Галкин!

– Здравствуйте, господин Загвоздкин!

– Здравствуйте! здравствуйте! Стой, ку-чер... Господин Галкин! я слышал, вы издаете газету?..

– Издаю...

– Ну, так!.. нарочно хотел заехать... Поместите вот эти стишки... я хочу, чтобы их дамы прочитали... Я буду постоянным вашим сотрудником... Да нельзя ли вам хорошенько разжечь в газете помещика Ерыгина... Что это такое? вчера я насилу от него уехал!..

– Неужели?

– Да что на него смотреть! Так и напишите в газете: «Ерыгин – дурак!»

– Вы заезжайте ко мне, – сказал Галкин, – поговорим...

– Да я не одет... Погодите... Разве переменить панталоны?..

Офицер сошел с телеги и стал доставать из узла что-то, говоря:

– Как вам покажется... Сейчас у Куропатки-на пять бутылок рому выпили...

– Уж не лучше ли вам ко мне заехать в другое время? – сказал Галкин.

– Ну, ладно... можно и в другое время, – отвечал согласный офицер.

Колокольчик снова зазвенел...

Пришедши домой, Галкин получил письмо.

– Кто это принес? – спросил он лакея.

– Хоботовский человек... от барыни... Письмо было таково:

«Федор Семеныч! посылаю вам сочинение моего Петеньки и прошу его поместить в вашей газете. Да вот что (это между нами): пожалуйста, напишите про Акулину Васильев-

ну, скажите: такая-то и такая-то барыня (имени не говорите) в разговоре беспрестанно повторяет „сэ врэ“...[2] и шляпу носит набок... Ради бога... Ваша газета, я слышала, будет ходить по всему уезду... (Смотрите, про это никому не говорите.)

Уважающая вас *Хоботова*»

В комнату к Галкину вошел помещик Ерыгин.

– Мое почтение, – сказал Галкин, – давно вас не вижу... Ну, что новенького?.. слышали про газету?..

– Слышал, слышал, – сказал Ерыгин и затворил за собою дверь. – Превосходно, батюшка, вы выдумали; я приехал нарочно к вам: сделайте одолжение (Ерыгин начал шепотом)... обяжете меня; мы как-то с Хоботовым поссорились; он возьми раз ночью – отправился к моему дому и всех собак борзых перестрелял... Клянусь богом!.. Ведь вот разбои какие!.. Я бы и судом это дело повел, да улик налицо нет... Я это, однако, не оставлю так... А покамест вы на него составьте что-нибудь, – да пожестче! Да, черт возьми!.. Ну, ради само-

го Христа!..

– Ведь, господа, рассудите, – сказал Галкин, – этак у нас газета превратится – я не знаю во что...

– Да ничего!.. Вы там сделайте с благородною целью... Назовите: «Гласность».

– А там поручик Загвоздкин на вас просит написать...

– Пускай его!.. Вы только Хоботова залепите.

– Отчего вы сами не напишете?..

– Я не могу!.. Клянусь вам... не могу писать... У меня, ежели я стану писать, пойдет и подлец и скот, – не могу!..

– Ну, мы увидим. Вы же, между прочим, напишите сами и покажите мне после...

Не прошло получаса после того, как Ерыгин уехал, к Галкину явился Кобелев – помещик.

– Я вот вам написал статью о воспитании, – начал басом помещик, – но дело не в том; я прошу вас, скажите в газете следующее: у одного человека помещик Куропаткин стог сена украл... так-таки буквально украл... И добавьте, что такие поступки называются

низостию... До свидания...

– Для чего же вы меня-то заставляете писать? – спросил Галкин.

– А для чего же вы затеяли газету? Ну, так я сам напишу...

– Да уж лучше вы напишите; только полегче, Прохор Прохорыч.

– Я посмотрю... А то прямо озаглавлю статью: «Вор!»

Через неделю деревенская газета была готова. Галкин разослал ее, куда только мог: всем своим знакомым, даже некоторым дворникам и приказчикам.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГАЗЕТА

Программа

- 1) Современные вопросы.
- 2) Изящная литература.
- 3) Сельское хозяйство.
- 4) Дневник происшествий и слухи.
- 5) Стихотворения.

ЖЕЛАНИЕ

(Посв. т-те Хоботовой)

*Луна, прошу, укрой свой луч
Там дальше, дальше среди туч.
Во мраке ночи мне милей
С прелестной девою мечтать,
Во тьме приятнее мне с ней
Средь поцелуев засыпать...
Тогда лишь жизнь мне так при-
ятна,
Душа желания полна...
Меж тем, как бы сквозь сон, –
невнятно
Мне про любовь твердит она...
Луна! прошу, укрой свой луч*

Там дальше, дальше среди туч.

Рот. ком. Ведеркин.

СЦЕНА

У редакции «Деревенской газеты» на крыльце сидит с пасмурным видом лакей. Перед ним без шапок стоят два мужика.

Лакей. Разве не слышали? – газета издается... сочинения пишут.

Мужик. Про кого?

Лакей. Про кого? Про вас!

Мужик. Что пишут?

Лакей. А то, что вы никакого просвещения не имеете... И натурально, это предписание прочтут помещики, потом становые, и все утвердят, что вы точно народ ничтожный... Грубости в вас дюже много...

Мужик. А дальше что?

Лакей. Дальше пошлют это доказательство к военному начальству.

Мужик *(помолчав)*. Зачем?

Лакей. Это спроси у военного начальства; уж наверно этого дела не пропустят даром...

Мужик *(печально)*. Ну, за что же?

Лакей (*сердито*). Говорю-за невежество ваше! Ежели бы вы себя вели деликатно, ничего бы этого не было....

Уч. Вьюгин.

ДНЕВНИК ПРОИСШЕСТВИЯ

9 июля. В наши окрестности вступил Гский полк, – с чем и поздравляем почтенную публику.

11 июля. В селе Утине совершалось поминовение по дьячку Андронову. Звонкий голос покойного и усердие к службе, без сомнения, долго будут жить в памяти утинских прихожан.

12 июля. В деревне Шинках суд производил следствие по повесившейся бабе и нашел, что баба лишилась жизни по причине сумасшествия. Суд обедал у приказчика. После обеда, говорят, становой пел песни...

13 июля. Помещик Х. давал вечер, на котором было до 25 человек гостей; играли в ерлаш; молодые люди танцевали и выказывали в танцах необыкновенную ловкость и даже силу... В гостиной читали объявление о «Деревенской газете»... Ужин был отменный; было до трех сортов вин: херес, сотерн и кагор...

14 июля. В селе Горлове был храмовой праздник. Одна помещица, приехавшая к обедне, была одета великолепно: ее белое платье, при ярких лучах солнца, представляло невыразимое зрелище... Эта дама на паперти объяснялась с другою дамой на французском диалекте, и между ними слышались следующие иностранные слова: «вузавэ резон, о жур дюи[3] и сэ врэ», что также составляло особенную прелесть среди толпы мужиков и баб... (Продолжение ниже.)

О НЕВЕЖЕСТВЕ МУЖИКОВ

(Статья помещика Ерыгина, направленная на некоторую личность)

Говорить мне или молчать?.. Недавно я собрал своих крестьян и начал их спрашивать о разных теоретических предметах, имея в виду ту мысль, каковы у этих людей нравственные способности?..

– Для чего вы созданы?

Иные отвечали, что не знаем; другие сказали, что «мы созданы для своего господина...»

– Неужели только? – говорил я, но ответа не добился.

- Илья! Для чего тебе дана жена?
- Известно, – сказал он, – на потребу...
- Что это значит?
- Не знаю...
- Ефим! ты что скажешь?
- Жена нам дается, – сказал Ефим, – на подмогу.
- На какую подмогу?
- Стало быть, чтобы тягло выходило.
- Отвечай, Петр! что с нами будет на страшном суде?
- Да все померем, батюшка...
- Ну, говорите, для чего вы созданы?
- Для вашего здоровья!!.

После того, что я привел, нечего более доказывать заглавие этой статьи... Это и было именно предметом моего исследования... Но обратимся теперь к другому.

Если так невежлив мужик, говорящий сказанные нелепости, то как же невежлив должен быть помещик, который в ночи 18... года, августа... перестрелял всех моих борзых собак?..

П. Ерыгин.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ВОСПИТА-

НИИ ДЕТЕЙ

(Статья пом. Кобелева)

Слушая постоянные толки о воспитании крестьян, я молчал и долго не решался высказывать своего мнения. Но как просвещение стало распространяться даже и по деревням, чему доказательством служит сия газета, то я думаю вкратце передать свои мысли. По моему наблюдению, надобно детей, во-первых, учить так, чтобы они были, так сказать, с ног до головы и с головы до ног пропитаны – повинованием... Для этого надобно сочинить такую особую книгу под заглавием: «О повиновании». Как же можно допустить, чтобы воспитанники – кого-нибудь не слушались?.. А что из них будет, когда они сделаются взрослыми?.. Например: можно ли допустить следующее: раз я зашел из любопытства в училище экономических крестьян. Там сидел учитель и толковал одному крошечному мальчику – вычитание. Он объяснял ему так:

– Ну, положим, ты имел у себя десять бабок; слышишь?

– Слышу.

– Положим, теперь ты из них проиграл пять. Сколько у тебя осталось?

– Когда же я проиграл? – вдруг возражает мальчик. Нет, этак нельзя!..

Во-вторых, следует воспитанникам внушать дух смирения... Тут нужна тоже книга попространней «О повиновении». Мы понимаем, как люди уже образованные, что эта доблесть необходима каждому...

Далее, кажется, читатели сами видят, что нужно говорить о самоотвержении... Со временем я буду много говорить о самоотвержении, но теперь спрошу об одном: где всему этому учить? Нужна отдельная для этого изба. Я скажу, не только изба, но даже и библиотека, состоящая из предложенных мною книг. Вот поэтому-то я и советую: наложить на жителей сбор, а пред этим собрать их и сказать им хорошую речь...

Таким образом, сбор на избу будет очень хороший. В этой избе и начать учить... «Что же дальше?» – спросят меня. «А дальше остается вознести хвалы к небу», – отвечаю я. Разве еще нужно разъяснять, как скамейки ставить в школе, какие иметь розги и пр...

NB. Теперь приступаю к описанию одного человека, которого знают все; я имени его пока не скажу; он высок ростом, брюнет, довольно приятен на вид; имя ему: вор!.. 18... года во время сенокосу, перед вечером, этот человек приказал навьючить на свою телегу все ему не принадлежавший воз сена!

Пом. Кобелев.

БАЛ

*Люблю на шумном я балу
С красавицей вальсировать,
Люблю и в темном уголку
Ее к груди моей прижать.
Но во сто раз милее мне
Остаться с ней наедине...*

Поруч. Загвоздкин.

ДНЕВНИК ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Продолжение)

14 июля. За селом Горловым (во время храмов. праздника) помещик Ч. вывалился из своего экипажа и сломал себе шею. Уездный доктор ежедневно бывает у больного и советует ему не употреблять в будущее время спиртных напитков: насчет же шеи уверяет,

что она будет кривая.

16 июля. У помещика Д. родились вдруг две дочери. Сердечно радуясь такому сюрпризу, родитель от многих из своих соседей уже принял поздравление. Он, между прочим, сказал, что «любопытно знать, что из этих малюток выйдет? Умрут они или нет?..»

17 июля. В деревне Пискареве какой-то проезжающий, на станции, утром, заплатил дворнику за ночлег гривенник и вышел на улицу к своему экипажу. Когда дворник сказал, что ему гривенника мало и при этом (в виде упрека) показал деньги, тогда проезжающий, развернувшись, рассыпал эти деньги по грязи... В этой грязи после двор-пик отыскал несколько своих зубов...

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО¹

Лечение молодых телят

(Ст. пом. Хоботова)

Новорожденные телята, по наблюдению моей скотницы, бывают подвержены опасной болезни: воспаление языка. Лекарство, по словам той же скотницы, есть тряпка, намоченная в холодную воду.

В будущем Но я намерен побеседовать с читателями о своей новой молотилке, за которую я заплатил 400 рублей; еще об аглицкой свинье, которую вчера привез.

¹ В будущем Но поместятся статьи: «О выжигании тока» и «О лечении мыта».

САТИРА НА Г-ГО ПИСАРЯ

(Соч. дьячка села Нового)

*Егор удалый был детина —
Самый хвацкий молодец!
Крестьяне все пред ним – скоти-
ны.*

*Душил он их, как волк овец.
А ныне он – Егор
Носит лапти без обор (веревки).*

Дьяч. Щукин.

САТИРА НА ЛЕСНОГО СТОРОЖА

(Сочин. того же поэта)

*Для солдата Щедрина
Купить надо штоф вина.
Он щедрит, как отец сыны —*

*Велит всем рубить осины.
В лесе негде сесть кукушке;
Одни пенья да макушки!..*

Дьяч. Щукин.

ВОСХОД СОЛНЦА

(Сочинение 10-летнего автора г. Хоботова)

Заря позолотила восток. Птицы уныло кое-где повесили головы и спали. На небе были серые полосы. С одной стороны полоса похожа на нитку, с другой стороны она тянется будто бы полено... Везде безмолвно... С одной стороны дома крестьян кажутся покосившимися, с другой разваливающимися.

Наконец, появилось солнце, улыбаясь, точно юноша, беспечно играющий на руках своей матери¹.

10-ти летний г. Хоботов.

¹ Редакция не может не изъявить благодарности родителям 10-летнего автора, сочинение которого носит в себе задаток непременно таланта.

РАДОСТЬ

*Прекрасна, светла и любовна,
Душа веселится моя.
Да здравствует Марья Петровна,
И ручки, и штучки ея...*

Поруч. Загвоздкин.

НИЩИЙ СОЛДАТ

(Из моих записок)

(Статья учителя Чаркина)

В наших окрестностях бродит один побитый старым солдат, которого, вероятно, все знают; у него обыкновенно сума в руке и шапка, которую он никогда не надевает; он, как известно, ходит очень тихо, потому что очень дряхл и слаб и вдобавок почти слеп.

Однажды он против окон нашей кухни пел: «Помяни, господи, благородителей во царствии твоём!» Пение было дикое и наводящее ужас...

– Поди, дедушка, закусить, – сказала старику наша работница.

Нищий вошел в избу и сел за стол. Работница подала ему щей. Я завел разговор с ним.

– Сколько, дедушка, тебе лет? Лет сто будет?

– Нет, не будет сто лет, – ответил он, разламывая корку хлеба.

– Плохо тебе жить?

– Плохо... – равнодушно ответил он и стал есть щи.

– Пенсию получаешь?

– Нет, не получаю...

– Отчего?

– Просить некого... оттого побираюсь... Я две медали имею...

– А начальство?

Старик молчал.

Что он говорил – говорил таким спокойным тоном, что делалось больно!.. Лицо его ничего не изображало... Глаза его не отрывались от щей...

– Надо губернатора просить, – сказал он, – может, пансион дадут. Я служил все двадцать пять лет.

– Отчего же ты не просишь его?

– Из-за паспорта начальство не пускает. «Как тебя пустить, говорит, паспорта нет». А паспорт мой сторел, как деревня сторела.

– Так ты бы так и объявил.

– Я говорил... просили у меня целковый... я

не дал...

– Стало быть, все дело из-за целкового?

– Мне теперь целковый не нужен. Я скоро умру.

– Ну, если ты болен сделаешься, долго будешь лежать – кто тебя станет хоронить?.. У тебя есть родные?

– Никого нету...

Старик перестал есть, достал из-за пазухи кошелек и сказал мне, забыв, по-видимому, все:

– Берегу... два рубля сорок... когда умру – помянуть меня...

Старина! старина! Отчего так равнодушно и холодно лицо твое?

Неужели это правда?

Уч. Чаркин.

К ГАЗЕТЕ

*Пусть раздаётся на полсвета —
Деревенская газета!..*

Редактор Галкин

*НВ. Редакция просит гг. читателей
присылать, если можно, своих людей
для получения газеты, адресуя: в дерев-*

ню Ивовку – Галкину. Газета выходит по воскресеньям.

VII

Газета читалась повсеместно: около десятка селений вошло в круг читателей, про нее знали даже крестьяне, которые объяснили ее по-своему...

Села Горлова приказчик, прочитав газету, велел позвать к себе земского.

– Кто прислал эту газету? – спросил он.

– Да всем разносят... от помещика Галкина.

– Ты знаешь, здесь надо мною смеются?

– Да это я давеча прочитал... насмежаются...

– Что же это такое будет? – в отчаянии произнес приказчик.

– Что ж мудреного? многих зацепили...

– Стало быть, требуется...

– Верно, куда-нибудь это пойдет?

– Должно быть, к исправнику... а то в суд...

что ж, на миру и смерть красна...

– Еремей! слышал, грамота какая-то ходит? – говорил мужик в толпе народа, стоявшего у постоялого двора...

– Слышал, малый. Это бумага из Питера доставлена...

– Братцы! дворник сейчас обещал нам ее дать...

– Ой ли?.. Пойдем попросим... Ну, Илья, Егор, трогай!..

– Что вы орете-то!.. Разве можно так?.. Тут полегоньку надо... Иван, поди ты один и спроси у дворника: нельзя ли, мол...

Дворник дал мужикам газету. Они с замиранием сердца побрели с газетой в ближний пустой сруб, и один из мужиков начал читать...

– Повнятней, Гриша! Ну, начинай...

– Стой, ребята! Не шелохнись! Должно, она самая...

– Читай...

– Погодите, братцы, – дай ухом приладиться: с богом! отчаливай!

– Начинать?

– Погоди... Егор! прими голову-то!.. не слышно... Валяй!..

– Начинать?

– Начинай...

– Смирно... Ей-богу, она!

– Читай знай! Увидим...

– Постой ты, братец, мне виски-то прижал

больно!

– Эх, дураки!.. Когда вы уладитесь!..

– Да вот все Еремей... Ну, читай: я знаю, это не она...

– Знахарь! пошел прочь!..

– Давай об чем?

– Давай!..

– Да замолчите, что ли, вы?..

– Ну, ну!.. Не пикни! пригнись, Федор... Я на плечи-то к тебе навалюсь...

– Навались!.. Начинай!..

– Постой, дай дверь затворю...

– Когда там затворять?.. Тише!

– Тише!..

– погоди, я на полати влезу...

– О, дурак!.. выдумает!..

– Ребята!.. а что, я вижу – лучше грамоту нести вон...

– Как вон? трогай! готово!..

– То-то, готово!

– Т-с-с-с-с-с...

Один мужик начал читать:

– Второе!.. нет, так!.. второе: мальчикам внушать дух сми-ре-ния.

– Нет, должно, не то!..

– Что там такое?

– Да вот, говорит, дух смирения...

– Чего там? Ты, верно, не туда забрал, по-
выше возьми! Сызнова...

– Ты сперва перекрестись...

– Да, по делу-то надо всем перекрестить-
ся...

– Ну, что ж?..

Мужики все перекрестились...

– С богом!..

– Начинай!.. Смирно!..

– Гриша! откопай получше восточку-то!

– Готово!..

Мужик зачитал: «Я и советую наложить на
жителей сбор, и ежели...»

– Что, Гриша? как?

– Наложить на жителей сбор...

– Братцы, пойдем же лучше в другой сруб:
тут как-то не ладно...

Все решили идти в другой сруб. В другом
срубе снова Григорий зачитал...

– Погоди, Гриша, я разденусь: послободней
будет...

– Давай уж, коли так, все разденемся...

– Свиньи вы, свиньи!.. Я вижу – вы слу-

шать-то не хотите!..

– Как не хотим?.. Ну, мы в одежде останемся...

– Начинай!..

– Шапки-то снимите...

– Сняли... Читай!..

Вдруг в толпу ворвался дворник и закричал:

– Эй, газету давайте!.. Один благородный приехал... желает любопытствовать.

Дворник вырвал у Григорья газету и скрылся. Мужики молча вышли из сруба.

На третий день после выхода газеты, когда Галкин ждал о ней слухов, учитель Чаркин сидел в доме быковского регента. У окна по-прежнему сидела жена регента.

– Анна Федоровна! – говорит учитель, – выпейте же с нами... Ну, хоть в честь газеты...

– Нет-с... Вы знаете, я не употребляю...

– Ну, выпей, – сказал регент, читая газету, – сколько можешь...

Анна Федоровна немного выпила.

– Что, как газета? – спросил учитель.

– Хороша!.. Кажется, Галкин никого не щадит... Учитель выпил и сказал:

– Тут вот в чем штука: Галкин – увлекся... он начал заходить туда, куда помещики не заходят, он начал карать свою братию. «Я, говорил он мне, хочу из газеты сделать пистолет да стрелять из него... а то несерьезно будет...» Ну, он своих соседей хорошо не знает... Я живу с ними семь лет... Я об этом Галкину говорил: он только твердит, что ныне такое время, все стремится вперед, и помещики...

В избу вошел Галкин.

– Сейчас ездил к Выогиному, завернул по пути и к вам, – сказал Галкин. – С газетой бог знает что делается!..

– Что такое?..

– Да вот, получил несколько писем.

Галкин достал из кармана одно письмо и прочитал (письмо было от Хоботова).

«Получил я вашу газету и с нетерпением распечатываю. Читаю и, во-первых, нахожу, что там моей жене какой-то ротный пишет, как он среди поцелуев засыпает... Во-вторых, в газете пишет и дьячок, и пономарь, и какой-то Ерыгин, у которого я будто перестрелял собак... Об этом я с ним лично потолкую... Теперь позвольте у вас спросить: кто сочинял

у вас слухи?.. Я знаю, что это вы... Так вот как я с вами поступлю!.. Так как вы газету свою раскидали на постоянные дворы и, одним словом, по всему уезду, – то я, значит, как опубликованный, имею для вас один гостинец... Вы увидите его после... я не оставлю вас так...»

– Хорошо? – спросил Галкин. – Вот другое... от Куропаткина: «Федор Семеныч!.. Что вы, взбесились? Пишете на весь свет, что моя жена родила двойню!.. Я отказываю вам от своего дома... Ведь это – я не понимаю!..»

– Вот третье, – от помещицы Сундуковой: «М. г. Федор Семеныч!.. благодарю!.. благодарю!.. Как я рада, что вы задели Акулину Васильевну!.. Это *сэ врэ* – превосходно... Как будет этим довольна Хоботова!.. Муж мой просил передать вам благодарность за то, что вы поместили – о его неприятеле и сердечном враге Воронине, который сломал себе шею... Он вам от себя напишет после... Он поехал в город... Прощайте... *Цалую листки вашей газеты...*»

Галкин прочитал четвертое письмо от помещика *Ужина*.

«Господин Галкин! Вы отчего не помести-

ли моей брошюры насчет Ерыгина?.. Что я его называю стервой и пр., так вы и поцеремонились?.. Нет, вы не церемоньтесь!.. Я с вами разделаюсь. Брань других вы помещаете, мою нет!.. Я вам сюрпризец приготовлю... Поверьте, я свое слово сдержу... черт возьми...»

Наконец, было пятое письмо, Ерыгина:

«Федор Семеныч! Завтра у Кобелева вечер: будут все... Приезжайте непременно... будем строить планы насчет второго номера... Я и Кобелев тискаем вас в своих объятиях за вашу милую газету и от души благодарим, что вы наши статьи поместили и ни словечка из них не выкинули. Bravo!.. Россия, вперед! Вы говорили правду в объявлении: да здравствуют Северо-Американские Штаты... То есть я до сих пор не пойму: каким это образом вам вошла такая идея! Ну, да после... Одним словом, гласность, гласность!.. Я вам столько чудес открою... Приезжайте же!..»

Приехав от регента домой, Галкин еще получил два письма: одно было от помещика Чухина, жившего очень далеко от Галкина.

«Поздравляю вас, Г. Галкин, с успехом!.. Каким-то образом в нашу окрестность залетела

ваша газета и произвела такой взрыв, что до сих пор, – когда я пишу эти строки, – дым и чад не перестает... Просто битва на Куликовом поле... Многие узнали в обличениях ваших себя... Один говорит, что я действительно у какого-то дворника зуб выбил, другой, что он сломал себе шею, – и пр. Но главное, все кричат, что вы ренегат, что вы хотите против своих же открыть полную гласность да заставить читать мужиков и т. д. Целая гурьба хочет ехать к вам... Но некоторые обещаются жаловаться губернатору... Между всем этим идет спор такой ожесточенный, что многие подлетают во время прений друг к другу с красными лицами... Прощайте – вы гениальную штуку выкинули».

Помещица Хоботова писала:

«Прекрасный Федор Семеныч!.. Мой муж сердит на вас, как зверь какой!.. Но это ничего... Не ослабевайте, – (спасибо вам за Акулину Васильевну). Я вас еще кое о чем попрошу... А мужа моего не бойтесь... Я его укрошу мигом!.. Он ручной... жаль, что глуп непомерно... Он ныне утром все рылся в своем кабинете, звенел и громыхал чем-то... а вечером

говорил: „Он, говорит, зарядил в меня гласно-
стию, а я заряджу в него пулею...“ Не пугай-
тесь!.. Завтра у Кобелева вечер, приезжайте, я
там буду... От всего сердца жму вам руку...»

Галкин, сидя один в своей комнате, смотре-
л в потолок и самодовольно улыбался.

VIII

На другой день вечером Галкин был у Кобелева, который ждал к себе гостей; Ерыгин, помещица, любившая русские песни, помещица Сундукова с четырьмя дочерьми – были уже там. Первым делом Галкин прочитал Кобелеву и Ерыгину письма, полученные им от писателей.

– Это вздор! – кричал Ерыгин, – продолжайте!.. продолжайте!.. на этих господ нечего смотреть. Они себя не понимают, где же им понять благородную цель газеты?..

– А какова моя статья о воспитании? – спросил Кобелев.

– Славная! – воскликнул Ерыгин. – И так вы всё говорили о воспитании... вдруг – вор!.. Все равно как я: говорил о невежестве мужиков, вдруг – цап!.. на собак и свернул...

– Действительно, – подтвердил Галкин, – вы изложили мило!.. А что же, вы приглашали к себе нынче кого-нибудь?

– Как же! всех поголовно, – сказал Кобелев. – Я даже врага своего, Куропаткина, пригласил. Хоботову написал, что Ерыгин у меня

не будет – приезжайте; Куропаткину, что вы не будете; Загвоздкину, что Ерыгин не будет... Ерыгину, что Хоботов не будет... Ерыгин не боится встречи с своим приятелем.

Наконец, гости все съехались, а именно: Хоботов, которого насильно привезла жена и который, никому не кланяясь, прямо засел в угол и принялся курить трубку, Куропаткин, который, завидев Галкина, пошел от него в сторону, да и хозяину почти не поклонился, как несправедливо обвиненный им в покраже сена... Наконец, офицеры, в числе которых был ротный и Загвоздкин, несколько избегавший дам как сочинитель неблагопристойных стихов.

Стали пить чай. Все шло тихо: переговаривались о сенокосе, о собаках – и уже после чаю зашла общая речь о газете.

– Нет, господа, я так чернить себя не дам, – вдруг закричал Хоботов.

– Тише, что с тобой? – сказала его жена, – ну, ты разве первый? Всех там коснулись... благородная цель газеты этого требует...

– Помилуйте, что вы обижаетесь? – сказал Галкин. – Я вас и не думал трогать... там *икс*

написано...

– А позвольте узнать, – перебил Ерыгин, – кто у меня собак перестрелял в прошлом году?..

– Господа, надо говорить хладнокровно; помилуйте! – сказал ротный, – ведь этак может наш дебош далеко отозваться... Как вы думаете?

– Именно!.. Затеяли газету – такую высокую, можно сказать, вещь... и вдруг...

– Я знать ничего не хочу! – воскликнул Куропаткин. – Я завтра еду к исправнику, чтобы он донес губернатору.

– Успокойтесь! – сказал Ерыгин. – Губернатор все знает; он Галкина вызывает к себе и хочет ему позволить печатать газету... Это известие мы вчера из губернии получили...

– Пустите-ко меня! – тихонько сказал вдруг Хоботов.

– Куда? куда? Что с вами?

– Куда? – завопила жена Хоботова.

– Пустите меня! – закричал Кобелев.

Офицеры оказали всю свою храбрость. Они ловко придержали помещиков.

– Прочь газету! Что это за мода? Что за га-

зеты такие в деревне? – крикнул Куропаткин. – Я приехал объяснить, что никто не смеет писать, что моя жена там...

– Ну, вы и объяснитесь... Но запретить газеты вы не можете; необходимость ее создало все общество.

– А что, господа, я слышал! – сказал ротный. – Кто-то, будто бы из помещиков, вчера и ныне ездил по деревням и обирал газету.

– Это я! – сказал Куропаткин.

– И я обирал! – прибавил Хоботов. – Но я с вами говорить не хочу...

Он взял фуражку и вышел в переднюю, за ним Куропаткин. В зале слышно было, как хлопнула уличная дверь.

– Господа, – тихо сказал Галкин, – знаете ли, какая мысль пришла мне в голову?

– Какая?

– Извольте видеть... мы с вами затеяли газету, вещь неслыханную... газета идет... Все вы прекрасного мнения о газете... При всем этом мне сейчас и показалось...

– Что?

– Что мы забрали с вами в голову ужасную глупость! Поверьте – глупость! Ну, рассудите

холодно: куда мы стремимся?

Все будто оцепенели...

– Куда идем с этой газетой?.. Друг друга бить и колотить? Что из всего этого выйдет?

Да, что? Бед наживем!..

– Так! так! – твердили все. – Это вы заметили верно...

Все нашли, что в их головы забралась точно глупость...

IX

Прошел целый год. Газета давно прекратилась. Галкин по-прежнему ездил к своим соседям – но не как простой Галкин, а как человек с гениальной головой, потому что умел когда-то так сильно одурачить такую бездну народа. Некоторые, видимо, и не всегда признавали его за гения, – это потому, что он был им врагом; но в душе и они не могли не сознаться, что Галкин точно человек необыкновенный; потому что кто бы мог произвести такую знаменитую катастрофу деревенской газетой из обыкновенных людей?.. А тут еще прошел слух, что Галкин все это сделал преднамеренно...

1860

Примечания

1

Прическу (от фр. *la coiffure*).

[^^^]

2

Это правда (от фр. *ce vrai*).

[^^^]

3

Вы правы, сегодня (от фр. *vous avez raison, aujourd'hui*).

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

«Россия на пути своем к просвещению так рванулась вперед, что недаром Гоголь воскликнул: „Куда ты мчишься?..“» – пародийно-сатирически обыгрывая известную гоголевскую метафору о России как о «птице-тройке», Успенский присоединяется к оценке, которую Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года» дал казенному оптимизму предреформенной русской печати: «Уже несколько лет все наши газеты и журналы трубят, что мгновенно, как бы по мановению волшебства, Россия вскочила со сна и во всю мочь побежала по дороге прогресса...» (1859).

[^^^]

[^^^]